

Псалом / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Псалом / рассказ ПСАЛОМ

Первоначально кажется, что это крыса царапается в дверь. Но слышен очень вежливый человеческий голос:

– Можно зайти?

– Можно, пожалуйста.

Поют дверные петли.

– Иди и садись на диван!

(От двери) – А как я по паркету пойду?

– А ты тихонечко иди и не катайся. Ну-с, что новенького?

– Нициво.

– Позвольте, а кто сегодня утром ревел в коридоре?

(Тягостная пауза) – Я ревел.

– Почему?

– Меня мать наслепала.

– За что?

(Напряженная пауза) – Я Сурке ухо укусил.

– Однако.

– Мама говорит, Сурка – негодяй. Он дразнит меня, копейки поотнимал.

– Все равно, таких декретов нет, чтоб из-за копеек уши людям кусать. Ты, выходит, глупый мальчик.

(Обида) – Я с тобой не возусь.

– И не надо.

(Пауза) – Папа приедет, я ему сказу (пауза). Он тебя застрелит.

– Ах, так. Ну, тогда я чай не буду делать. К чему? Раз меня застрелит...

– Нет, ты цай делай.

– А ты выпьешь со мной?

– С конфетами? Да?

– Непременно.

– Я выпью.

На корточках два человеческих тела – большое и маленькое. Музыкальным звоном кипит чайник, и конус жаркого света лежит на странице Джером-Джерома.

– Стихи-то ты, наверно, забыл?

– Нет, не забыл.

– Ну, читай.

– Ку... Куплю я себе туфли...

– К фраку.

– К фраку и буду петь по ночам...

– Псалом.

– Псалом... И заведу... себе собаку..

– Ни...

– Ни-це-во-о...

– Как-нибудь проживем.

– Нибудь как. Пра-зи-ве-ем.

– Вот именно. Чай закипит, выпьем. Проживем.

(Глубокий вздох) – Пра-зи-ве-ем.

Звон. Джером. Пар. Конус. Лоснится паркет.

– Ты одинокий.

Джером падает на паркет. Страница угасает.

(Пауза) – Это кто же тебе говорил?

(Безмятежная ясность) – Мама.

– Когда?

– Тебе пуговицу когда присивала. Присивала. Присывает, присывает и говорит Натаске...

– Тэк-с. Погоди, погоди, не вертись, а то я тебя обварю... Ух!

– Горячий, ух.

– Конфету какую хочешь, такую и бери.

– Вот я эту большую хоцу.

– Подуй, подуй, и ногами не болтай.

(Женский голос за сценой) – Славка!

Стучит дверь. Петли поют приятно.

– Опять он у вас. Славка, иди домой!

– Нет, нет, мы с ним чай пьем.

– Он же недавно пил.

(Тихая откровенность) – Я... не пил.

– Вера Ивановна. Идите чай пить.

– Спасибо, я недавно...

– Идите, идите, я вас не пущу...

– Руки мокрые... белье я вешаю.

(Непрошенный заступник) – Не смей мою маму тянуть.

– Ну, хорошо, не буду тянуть... Вера Ивановна, садитесь...

– Погодите, я белье повешу, тогда приду.

– Великолепно. Я не буду тушить керосинку.

– А ты, Славка, выпьешь, иди к себе. Спать. Он вам мешает.

– Я не месая. Я не салю.

Петли поют неприятно. Конусы в разные стороны. Чайник безмолвен.

– Ты уже спать хочешь?

– Нет, я не хочу. Ты мне сказку Расскажи.

– А у тебя уже глаза маленькие.

– Нет. Не маленькие, Расскажи.

– Ну, иди сюда, ко мне. Голову клади. Так. Сказку? Какую же тебе сказку рассказать? А?

– Про мальчика, про того...

– Про мальчика? Это, брат, трудная сказка. Ну, для тебя так и быть. Ну-с, так вот, жил, стало быть, на свете мальчик. Да-с. Маленький, лет так приблизительно четырех. В Москве. С мамой. И звали этого мальчика Славка.

– Угу... Как меня?

– Довольно красивый, но был он, к величайшему сожалению, драчун. И дрался он чем ни попало – кулаками, и ногами, и даже калошами. А однажды по лестнице девочку из 8-го номера, славная такая девочка, тихая, красавица, а он ее по морде книжкой ударил.

– Она сама дерется...

– Погоди. Это не о тебе речь идет.

– Другой Славка?

– Совершенно другой. На чем, бишь, я остановился? Да... Ну, естественно, пороли этого Славку каждый день, потому что нельзя же, в самом деле, драки позволять. А Славка все-таки не унимался. И дошло дело до того, что в один прекрасный день Славка поссорился с Шуркой, тоже мальчик такой был, и, не долго думая, хватя его зубами за ухо, и пол-уха как не бывало.

Гвалт тут поднялся, Шурка орет, Славку порют, он тоже орет... Кой-как приклеили Шуркино ухо синдетиконом, Славку, конечно, в угол поставили... И вдруг – звонок. И является совершенно неизвестный господин с огромной рыжей бородой и в синих очках и спрашивает басом: «А позвольте узнать, кто здесь будет Славка?» Славка отвечает: «Это я – Славка». «Ну, вот что, – говорит, – Славка, я – надзиратель за всеми драчунами, и придется мне тебя, уважаемый Славка, удалить из Москвы. В Туркестан». Видит Славка, дело плохо, и чистосердечно раскаялся: «Признаюсь, – говорит, – что дрался я и на лестнице играл в копейки, а маме бессовестно наврал – сказал, что не играл... Но больше этого не будет, потому что я начинаю новую жизнь». «Ну, – говорит надзиратель, – это другое дело. Тогда тебе следует награда за чистосердечное твое раскаяние». И немедленно повел Славку в наградной раздаточный склад. И видит Славка, что там видимо-невидимо разных вещей. Тут и воздушные шары, и автомобили, и аэропланы, и полосатые мячики, и велосипеды, и барабаны. И говорит надзиратель: «Выбирай, что твоя душа хочет». А вот что Славка выбрал, я и забыл...

(Сладкий, сонный бас) – Велосипед!

– Да, да, вспомнил, – велосипед. И сел немедленно Славка на велосипед и покатил прямо на Кузнецкий мост. Катит и в рожок трубит, а публика стоит на тротуаре, удивляется: «Ну и замечательный же человек этот Славка. И как он под автомобиль не попадет?» А Славка сигналы дает и кричит извозчикам: «Право держи!» Извозчики летят, машины летят, Славка нажаривает, и идут солдаты и марш играют, так что в ушах звенит...

– Уже?..

Петли поют. Коридор. Дверь. Белые руки, обнаженные по локоть.

– Боже мой. Давайте я его раздену.

– Приходите же. Я жду.

– Поздно...

– Нет, нет... И слышать не хочу...

– Ну, хорошо.

Конусы света. Начинает звенеть. Выше фитили. Джером не нужен – лежит на полу. В слюдяном окне керосинки маленький радостный ад. Буду петь по ночам псалом. Как-нибудь проживем. Да, я

одиноким. Псалом печален. Я не умею жить. Мучительнее всего в жизни – пуговицы. Они отваливаются, как будто отгнивают. Отлетела на жилете вчера одна. Сегодня одна на пиджаке и одна на брюках сзади. Я не умею жить с пуговицами, но я все вижу и все понимаю. Он не придет. Он меня не застрелит. Она говорила тогда в коридоре Наташке: «Скоро вернется муж, и мы уедем в Петербург». Ничего он не вернется. Он не вернется, поверьте мне. Семь месяцев его нет, а три раза я видел случайно, как она плачет. Слезы, знаете ли, не скроешь. Но только он очень много потерял, от того, что бросил эти белые, теплые руки. Это его дело, но я не понимаю, как же он мог Славку забыть...

Как радостно спели петли...

Конусов нет. В слюдяном окошке черная мгла. Давно замолк чайник.

Свет лампы тысячью маленьких глазков глядит сквозь реденький сатинет.

– Пальцы у вас замечательные. Вам бы пианисткой быть...

– Вот поеду в Петербург, опять буду играть...

– Вы не поедете в Петербург. У Славки на шее такие же завитки, как и у вас. А у меня тоска, знаете ли. Скучно так, чрезвычайно как-то.

Жить невозможно. Кругом пуговицы, пуговицы, пуго...

– Не целуйте меня... Не целуйте... Мне нужно уходить. Поздно.

– Вы не уйдете. Вы там начнете плакать. У вас есть эта привычка.

– Неправда. Я не плачу. Кто вам сказал?

– Я сам знаю. Я сам вижу. Вы будете плакать, а у меня тоска... тоска...

– Что я делаю... что вы делаете...

Конусов нет. Не светит лампа сквозь реденький сатинет. Мгла. Мгла.

Пуговиц нет. Я куплю Славке велосипед. Не куплю себе туфли к фраку, не буду петь по ночам псалом. Ничего, как-нибудь проживем.

* * *

«Накануне» (литературное приложение), 22 сентября 1923 г.
Некаýалар